

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ротко А.Г. Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.75032 EDN: ACFRIX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75032

Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении

Ротко Андрей Геннадьевич

Магистр; Институт проблем безопасности; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

109012, Россия, г. Москва, Таганский р-н, Славянская пл., д. 4 стр. 2

✉ agrotko@edu.hse.ru

[Статья из рубрики "Компаративный анализ систем безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.75032

EDN:

ACFRIX

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2025

Дата публикации:

03-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является политико-правовая природа легитимности ограничений прав личности в контексте обеспечения государственной безопасности. Объектом анализа – модели нормативного и институционального регулирования баланса между личной свободой и государственным интересом в условиях трансформации угроз и кризисов легитимности. Автор рассматривает философские основания понятия легитимности, типологию ограничений прав, риторику угроз и политико-правовые особенности Китая, России, США и Европейского союза. Цель статьи – выявить нормативные и дискурсивные механизмы легитимации ограничений свободы в условиях угроз безопасности. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о смещении баланса в сторону приоритета государственной

безопасности при снижении уровня процедурной подотчётности. Методология основана на синтезе философии права, сравнительно-правового и критического дискурс-анализа, позволяющем выявить нормативно-ценностные основания моделей легитимности. В результате анализа выделены четыре модели соотношения свободы и безопасности – от идеологического контроля до правовой подотчётности. Установлено, что универсальный подход к определению допустимых ограничений невозможен без учёта правовой культуры и риторических конструкций угроз. Практическая значимость – в применении результатов для оценки допустимости ограничений и разработки актов в сфере цифровой безопасности. Методология исследования включает философию права, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ, что позволяет выявить нормативные, институциональные и риторические механизмы легитимации ограничений прав личности в различных политико-правовых системах. Новизна исследования заключается в комплексном философско-правовом и сравнительно-правовом анализе легитимности ограничений прав личности в условиях трансформации политико-правового порядка и роста исключительных режимов. В отличие от существующих работ, автор объединяет нормативные, институциональные и дискурсивные подходы, что позволяет выявить глубинные различия моделей легитимации в авторитарных и либеральных юрисдикциях. Особым вкладом автора является разработка типологии моделей легитимности (КНР, РФ, США, ЕС) и выявление взаимосвязи между уровнем институциональной подотчётности и допустимостью ограничений. Основными выводами проведенного исследования являются: невозможность универсализации баланса между свободой и безопасностью; наличие устойчивых дискурсивных механизмов нормализации исключения; и необходимость переосмысления понятий «угроза» и «легитимность» в рамках правового анализа.

Ключевые слова:

Легитимность, Государственная безопасность, Личные свободы, Ограничение прав, Суверенитет, Исключительный режим, Политико-правовой дискурс, Сравнительный анализ, Правовая культура, Философия права

Введение

Современное переосмысление границ легитимного вмешательства государства в частную жизнь индивида в целях обеспечения безопасности приобретает особую значимость в условиях глобальной нестабильности, цифрового контроля и кризисов легитимности. На протяжении столетий концепция государственного интереса служила краеугольным камнем политико-правового регулирования, однако её содержательное наполнение варьировалось в зависимости от политической культуры, уровня институционального развития и философии власти. Сегодня, когда перед государствами встают вызовы, выходящие за пределы классической сферы военной угрозы — от трансграничной киберпреступности до биополитического управления, — возникает необходимость пересмотра баланса между правами личности и интересами государства.

Философские основания проблемы восходят к концепциям Т. Гоббса^[1] и Дж. Локка^[2], по-разному трактующим границы допустимого ограничения свободы. Для Гоббса безопасность обеспечивается всевластным сувереном в обмен на отказ от части свобод; Локк, напротив, отстаивал идею естественных прав, подлежащих защите даже от легитимной власти. В XX веке данные подходы развивались у К. Шмитта^[3], выделявшего

суверена как принимающего решение об исключении, и у М. Фуко^[4], анализировавшего дисциплинарные практики современного государства. Теория «bare life» Дж. Агамбена^[5] и концепция коммуникативной легитимности Ю. Хабермаса^[6] ставят под вопрос допустимость государственного вмешательства, особенно в условиях чрезвычайных режимов.

В научной литературе прослеживается расхождение между нормативно-юридическим и критическим подходами к ограничению прав. В либеральной традиции (R. Dworkin^[7], D. Dyzenhaus^[8], J. Rawls^[19], R. Nozick^[20]) приоритет отдается защите формальных прав даже в условиях чрезвычайного положения. В частности, Дж. Ролз настаивал на институциональных гарантиях равного уважения к правам всех граждан, в то время как Р. Нозик выступал за минимальное государство, лишённое полномочий широкого регулирования во имя общественного блага. В противоположность этим подходам критическая школа (G. Agamben, D. Bigo^[22]) акцентирует внимание на институционализации исключения как новой нормы. Представители Копенгагенской школы (B. Buzan^[24], O. Wæver^[25]) рассматривают безопасность как риторически сконструированный процесс (секьюритизацию), позволяющий выйти за пределы нормального политического порядка. Оппоненты радикального критицизма — В. Honig^[14], J. Bartelson^[15] — указывают на опасности пессимистического взгляда и игнорирования устойчивых форм институциональной подотчётности.

На практике реализуются противоположные подходы: от приоритета государственной безопасности и концепта суверенного контроля (в централизованных системах) до парадигмы «human security», в рамках которой акцент переносится на защиту достоинства и прав личности. Соответственно формируются различные основания легитимности: правовая, коммуникативная, утилитарная, харизматическая.

Несмотря на развитие теории, наблюдается дефицит междисциплинарных исследований, одновременно критически осмысливающих понятие государственного интереса и легитимность ограничения прав личности в сравнительной перспективе. В политико-правовой практике сохраняется разрыв между риторикой универсальности прав человека и их ограничением в интересах национальной безопасности. Эти противоречия особенно обостряются в условиях трансформации международной системы, когда классическая иерархия суверенитета сменяется гибридными режимами управления.

Цель исследования — выявить, как в современных политико-правовых системах формируется и легитимируется граница между личной свободой и государственной безопасностью.

Гипотеза: в условиях усложнения угроз и деформации институтов правовой защиты происходит смещение приоритета в сторону усиления государственного контроля, что требует пересмотра нормативных оснований легитимности.

Методология исследования включает философию права, политическую теорию, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ. Такой синтез позволяет выявить не только формальные основания приоритета безопасности, но и нормативные механизмы легитимации власти в различных политико-правовых системах.

Статья состоит из четырёх разделов: философские основания государственного интереса; сравнительный анализ моделей легитимации безопасности (РФ, КНР, ЕС, США); нормативные основания допустимости ограничений; выводы о границах

легитимности в современном мире.

Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем философию права, политическую теорию, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ. Такой синтез позволяет выявить не только формальные основания приоритета безопасности, но и онтологические и нормативные механизмы легитимации власти в различных политико-правовых системах.

Выбор методологии обусловлен стремлением дополнить традиционный юридический позитивизм подходами, позволяющими более глубоко анализировать нормативные предпосылки власти и формы её легитимации в условиях политической риторики. Исследование сосредоточено на взаимодействии права, идеологии и политической риторики в условиях кризисов легитимности.

Во-первых, применяются философско-правовые методы: интерпретация ключевых концепций (Гоббс^[1], Локк^[2], Шмитт^[3], Фуко^[4], Агамбен^[5], Хабермас^[6]) и нормативный анализ понятий «суверенитет», «право», «исключение», «порядок», «государственный интерес».

Во-вторых, используется сравнительно-правовой анализ моделей соотношения свободы и безопасности в четырёх юрисдикциях: РФ, КНР, ЕС и США. Критерии сопоставления включают нормативные основания, публичную риторику, институциональные формы ограничений, судебную практику и доктрину.

В-третьих, применяется критический дискурс-анализ, основанный на работах Н. Фэрклофа, Т. ван Дейка, В. Нопиг^[14] и И. Берлина^[21] (о позитивной и негативной свободе). КДА позволяет выявить риторические конструкции — «угрозы стабильности», «национальная безопасность», «чрезвычайные обстоятельства» — легитимирующие власть.

Источники дискурса: стратегии национальной безопасности, послания глав государств, нормативные акты, пояснительные записки, публичные выступления. Эмпирическая база включает ключевые документы, принятые в период введения ограничительных мер (Patriot Act, GDPR, закон КНР о нацбезопасности, российские стратегии и закон «О безопасности»).

Также используются общелогические методы (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование), позволяющие выявить инварианты моделей легитимации, их структурные различия и политико-правовую динамику.

Результаты

В ходе сравнительно-правового и философско-правового анализа были выделены четыре модели соотношения личной свободы и государственной безопасности, соответствующие ключевым политико-правовым системам: Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки и Европейский союз. Сравнение осуществлялось по пяти параметрам: тип легитимации безопасности, нормативная база, приоритет в соотношении «личность — государство», а также юридический подход к допустимости ограничения прав (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение моделей безопасности и свободы

--	--	--	--	--

Страна / субъект	Тип легитимации безопасности	приоритет свободы государства /	Нормативная база	подход ограничения прав
Китай	Политико-идеологическая (суверенитет, партийный контроль)	Приоритет государства	Закон о национальной безопасности (2015), Конституция КНР	Рассматривается как инструмент обеспечения стабильности
Россия	Конституционно-законодательная с акцентом на государственные интересы	Приоритет государства с отдельными гарантиями	Конституция РФ, федеральные законы о безопасности, стратегии	Допустимы в наличии угрозы через право механизм
США	Либерально-демократическая, права личности как ограничитель власти	Приоритет личности с возможностью ограничений	Конституция США, Bill of Rights, Patriot Act	Только в условиях угрозы строго регулируются судами
ЕС	Коммуникативно-правовая, баланс интересов и прав человека	Баланс прав и интересов с доминированием принципа пропорциональности	Хартия ЕС, ЕКПЧ, GDPR	Допустимы в соблюдении принципов необходимости соразмерности

Источник: составлено автором на основе: Hobbes T. *Leviathan* (1651); Locke J. *Two Treatises of Government* (1689); Schmitt C. *Political Theology* (1922); Foucault M. *Discipline and Punish* (1975); Agamben G. *Homo Sacer* (1995); Habermas J. *Between Facts and Norms* (1992); Neocleous ^[11] M. (2008); Fraser ^[12] N. (1997); Human Rights Watch ^[18] (2020); Смирнова Н. И. (2022); Иванов В. П. (2021); Овчинников А. И. (2020).

На основе представленных данных можно сделать следующие обобщения:

Во-первых, в странах с централизованной политико-правовой структурой (КНР и РФ) доминирует подход, в рамках которого безопасность легитимируется через риторику устойчивости, при этом, как подчёркивает Н.И. Смирнова, подобная модель опирается не столько на процедурную проверку, сколько на апелляцию к риторике угроз, тем самым нормализуя исключение ^[16]. Дополнительно, В.П. Иванов указывает, что государственный интерес трактуется как правовая доминанта, подчиняющая частную автономию целям стабильности ^[17], через дискурс государственного суверенитета и устойчивости. Ограничения прав личности воспринимаются как допустимые и даже необходимые меры в условиях актуализации внутренних и внешних угроз. В КНР это обоснование тесно связано с идеологическим контролем и партийной линией, а в России — с опорой на правовое закрепление приоритета государственной безопасности в официальных стратегических документах.

Во-вторых, в США и странах ЕС наблюдается иная нормативная логика: безопасность мыслится через призму прав человека, а ограничения допускаются лишь в исключительных случаях и подлежат судебной проверке. В США данный подход обоснован либеральной правовой традицией и конституционными ограничениями, тогда

как в ЕС ключевую роль играет принцип соразмерности, институционализированный в практике Европейского суда по правам человека.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что даже в этих юрисдикциях соответствующие правовые механизмы подвергаются критике. Так, М. Neocleous^[11] указывает на юридическую размытость понятия пропорциональности, что делает его уязвимым для политических интерпретаций. Аналогичные опасения озвучиваются и в отношении США, где практика исключительных мер часто балансирует на грани между конституционным контролем и латентной нормализацией чрезвычайных полномочий. В ряде случаев американские суды, традиционно считающиеся оплотом защиты гражданских свобод, демонстрировали высокую степень деференции в вопросах национальной безопасности, особенно в области внешней политики и иммиграции^[26]. Это создало ситуацию, при которой даже фундаментальные принципы due process подвергались ослаблению. Принцип соразмерности, лежащий в основе проверки допустимости ограничений, по-прежнему служит ключевым ориентиром как для американской, так и для британской судебной практики. Как показывает D. Lowe, даже после разоблачений Эдварда Сноудена суды в обеих странах стремились выработать баланс между необходимостью превентивных мер и защитой прав личности, полагаясь на анализ в духе пропорциональности^[28].

В ряде юрисдикций механизм допустимости ограничений прав личности получил развитие в рамках судебной практики. Так, в решении Европейского суда по правам человека по делу Gillan and Quinton v. United Kingdom (решение от 12 января 2010 г., жалоба № 4158/05, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96585>, дата обращения: 01.06.2025) было установлено, что предоставление полиции полномочий на досмотр лиц и транспортных средств без достаточной правовой процедуры нарушает ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека. Суд подчеркнул необходимость правовой определённости, пропорциональности и независимого контроля. Аналогичным образом, в деле Boumediene v. Bush (решение Верховного суда США от 12 июня 2008 г., № 06-1195) было признано, что лишение доступа к судебному обжалованию содержания в условиях военного конфликта нарушает фундаментальные принципы due process и верховенства права (URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/06-1195.pdf>, дата обращения: 01.06.2025).

В-третьих, наблюдается различие в инструментах легитимации: от нормативно-закреплённой необходимости и угроз до процедурных механизмов (публичное обсуждение, судебный контроль, принцип пропорциональности). Это указывает на различие в понимании роли государства — как гаранта порядка (КНР, РФ) или как модератора баланса интересов (ЕС, США).

Наконец, полученные результаты подтверждают, что универсальная модель легитимности в сфере безопасности невозможна без учёта контекста правовой культуры, доминирующей философии власти и механизмов институционального доверия. Более того, попытка представить авторитарные модели как функциональные аналоги либеральных стандартов вызывает сомнение с точки зрения универсальных прав человека. Как подчёркивает N. Fraser^[12], без процедурной и социальной подотчётности легитимация утрачивает критический ресурс и становится формальной оболочкой политического контроля. Human Rights Watch^[18] и Amnesty International^[23] в свою очередь фиксируют случаи системного злоупотребления доктриной угрозы как основания для репрессивных мер в ряде юрисдикций.

Для более глубокого сопоставления моделей ограничений личной свободы и выявления институционально-дискурсивных оснований их легитимации составлена таблица (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Институциональные и дискурсивные основания ограничения прав личности в сравнительной перспективе

Критерий	КНР	РФ	США	ЕС
Тип легитимации	Идеологическая (партийный контроль, стабильность)	Нормативно-государственная (государственные интересы)	Конституционно-либеральная (индивидуальные свободы)	Коммунистическая (права человека)
Основание для ограничения прав	«Национальное единство», «угроза стабильности»	«Защита конституционного строя», «общественный порядок»	«Национальная безопасность», «террористическая угроза»	«Права человека», «общественная безопасность»
Механизм проверки допустимости	Внутрипартийный контроль, закрытые процедуры	Ограниченный судебный и административный контроль	Полноценная судебная проверка (в т.ч. Верховный суд)	Судебная практика, принцип соразмерности
Степень институциональной подотчётности	Низкая (жёсткая иерархия)	Средняя (ограниченная подотчётность)	Высокая (независимые суды и парламентский контроль)	Высокая (многоуровневая судебная система)
Характер угрозы (в дискурсе)	Идеологически конструируемая	Гибридная: реальные + риторические конструкции	Формализованная, проверяемая	Интерпретируемая в практике
Форма артикуляции угрозы	Гос. СМИ, партийные документы	Стратегии, послания, законопроекты	Парламентские слушания, суды, отчёты спецслужб	Решения законодательных органов, комиссии правозащитников

Источник: составлено автором на основе: Конституции и национальных стратегий безопасности КНР, РФ, США и ЕС; GDPR; Patriot Act; Европейской конвенции по правам человека; данных Human Rights Watch^[18]; van Dijk^[9] Т. (2008); Fairclough^[10] Н. (2010); Fraser^[12] Н. (1997); Neocleous^[11] М. (2008); Glennon^[13] М. (2014); Овчинников А. И. (2020); Смирнова Н. И. (2022).

Представленные в таблицах результаты подтверждают, что различия между странами выходят за рамки правовых формулировок и касаются глубинных характеристик легитимации — от риторики угроз до институциональных механизмов подотчётности. Институциональный уровень, а также способы публичной артикуляции угроз формируют устойчивые модели «нормального исключения» (КНР, РФ) или процедурной фильтрации (США, ЕС), что свидетельствует о фундаментальном расхождении философии власти. Это делает невозможным единый нормативный подход и требует рассмотрения легитимации в перспективе критического анализа риторики, норм и институтов, что станет предметом следующего раздела.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты демонстрируют, что граница между личной свободой и государственной безопасностью не может быть универсализирована в рамках единой нормативной модели. Она формируется в конкретных историко-политических и правовых контекстах, отражающих фундаментальные ценностные ориентации соответствующих обществ. Это подтверждает релевантность философско-правового подхода, в рамках которого безопасность рассматривается не только как эмпирическое или нормативное явление, но и как дискурсивный конструкт, определяющий структуру политического порядка.

Согласно позиции Ю. Хабермаса^[6], легитимность современной власти невозможна вне процедурной рациональности и публичного обоснования. Однако данная модель требует высокого уровня демократического участия, развитых форм гражданского контроля и инклюзивного публичного пространства. В этом контексте особенно показателен подход Дж. Ролза^[19], настаивавшего на приоритете равенства возможностей и уважения к индивиду в условиях справедливого общественного устройства. Тем не менее, критики, включая Роберта Нозика^[20], предупреждают об угрозе чрезмерного государственного вмешательства даже под лозунгами справедливости.. Как подчёркивает N. Fraser^[12], институциональные условия демократического диалога не даны априори, а зависят от степени структурного неравенства и политической культуры. G. Rose также отмечает, что хабермасианская нормативная рамка исключает возможность радикального конфликта, предполагая консенсус, которого зачастую не существует в реальной политике.

В то же время подход Дж. Агамбена^[5], акцентирующий внимание на институционализации исключения и трансформации временных ограничений в перманентную норму, подвергается критике как чрезмерно тотализирующий и пессимистичный. Так, В. Honig^[14] указывает, что концепция «голой жизни» рискует обесценить устойчивые механизмы правовой защиты и сопротивления, превращая субъектов в априорно лишённых политической субъектности. D. Dyzenhaus^[8], в свою очередь, развивает идею «верховенства права в условиях чрезвычайного положения», подчёркивая возможность институционального ограничения власти даже в моменты кризиса. Его теория предлагает нормативную альтернативу «суверенному произволу» Шмитта^[3], основываясь на идее «права на закон даже во времена исключения».

На этом фоне концепция «human security», сформулированная в докладах ООН и развитая в политико-правовой теории, предлагает смещение фокуса: от защиты границ — к защите условий достойной жизни индивида. В странах ЕС и отчасти в США эта модель постепенно институционализируется через судебную практику и нормативные акты. Однако, как показывают данные сравнительного анализа, в ряде юрисдикций доминирует парадигма «государство как субъект безопасности, личность — как объект защиты», в рамках которой права могут ограничиваться без достаточного уровня процедурной проверки. Amnesty International в своём ежегодном докладе за 2020–2021 годы подчёркивает, что меры, вводимые под предлогом борьбы с терроризмом или киберугрозами, нередко лишены соразмерности и ведут к расширению дискреционных полномочий^[23].

В российском контексте примерами трансформации временных исключений в устойчивую норму могут служить меры, введённые в условиях пандемии COVID-19, включая ограничения на массовые мероприятия, режим цифровых пропусков и систему QR-

сертификации.

Особенно это заметно в условиях цифрового контроля и биометрического управления, где безопасность становится не столько целью, сколько оправданием расширения компетенций государства. Как отмечает T. van Dijk^[9], риторика угрозы служит не только для описания опасности, но и для мобилизации общества вокруг репрессивных или исключительных мер. В этом контексте понятие «угрозы» утрачивает устойчивое содержание и становится элементом манипулятивной политики, направленной на концентрацию власти.

Таким образом, философско-правовой анализ подтверждает: ключевая проблема заключается не в антиномии свободы и безопасности как таковой, а в отсутствии устойчивых механизмов проверки обоснованности ограничений, недостатке процедурной подотчётности и нормативной неопределённости понятий «угроза» и «исключение». В условиях, когда правовая система не способна противостоять экспансии чрезвычайного дискурса, возникает риск подмены правопорядка режимом безопасности, функционирующим по логике исключения.

Заключение

Настоящее исследование показало, что соотношение личной свободы и государственной безопасности представляет собой не столько юридическую, сколько философско-нормативную проблему, решение которой невозможно без учёта контекста правовой культуры, типов легитимации власти и форм институционального доверия. На основе сравнительного анализа политико-правовых систем Китая, России, ЕС и США были выявлены различные модели приоритезации интересов: от парадигмы суверенитета и стабильности — к модели защиты человеческого достоинства и процедурной подотчётности.

Проведённый философско-правовой и компаративный анализ подтвердил гипотезу о том, что в условиях актуализации многофакторных угроз наблюдается общее смещение нормативного баланса в сторону усиления государственного контроля. При этом механизмы легитимации ограничений варьируются: от идеологических и нормативных (в КНР и РФ) до процедурно-коммуникативных (в ЕС и США), что обуславливает принципиальные различия в подходах к определению допустимых границ вмешательства в частную сферу.

Исследование также выявило, что ни одна из современных моделей не является универсальной. Более того, каждая из них сталкивается с вызовами: в одних случаях — это дефицит механизмов подотчётности и судебного контроля, в других — угроза фрагментации государственной ответственности в условиях многоуровневого регулирования. Это подчёркивает необходимость мета-рефлексии — критического осмысления самих оснований понятий «угроза», «исключение» и «легитимность», выходящего за пределы традиционных рамок позитивного права.

Таким образом, исследование выступает не только как инструмент анализа нормативных моделей, но и как критика оснований самих понятий «угроза» и «легитимность», что сближает его с подходами N. Fraser^[12] и J. Bartelson^[15]. Дополнительно, в контексте философии власти уместно вспомнить дихотомию И. Берлина между позитивной и негативной свободой, позволяющую выявить глубинные различия между нормативными основаниями авторитарных и либеральных режимов^[21]. Вместе с тем в статье сохраняется приверженность основополагающим принципам правового государства,

включая идею верховенства права и неприкосновенности достоинства личности, как это обосновано в трудах R. Dworkin^[7] и D. Dyzenhaus^[8].

Результаты работы могут быть использованы для:

1. экспертной оценки допустимости ограничений прав человека в условиях чрезвычайных режимов;
2. разработки нормативных актов в области цифрового суверенитета и безопасности;
3. построения аналитических моделей правовой фильтрации рисков в национальных стратегиях;
4. формирования новых подходов к оценке легитимности мер в транснациональной политико-правовой практике.

Таким образом, дискуссия о пределах легитимности государственной власти в сфере безопасности требует отказа от бинарного противопоставления свободы и порядка и перехода к многоуровневому нормативному подходу, в центре которого — человеческое достоинство, правовая определённость и процедурная прозрачность. Ранее предпринятый автором анализ институциональных и нормативных оснований участия негосударственных акторов в обеспечении общественной безопасности в условиях современных вызовов показал, что фрагментарность правового регулирования и отсутствие комплексного подхода к легитимации таких субъектов создаёт предпосылки для усиления дискурса исключения и расширения дискреционных полномочий государства ^[29]. Настоящая статья продолжает и дополняет обозначенную исследовательскую линию, акцентируя внимание на философско-правовых и компаративных аспектах легитимности ограничений, что позволяет более полно охарактеризовать современные трансформации политико-правового порядка.

Библиография

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Мысль, 2001. 512 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. В. Н. Губского. М.: Мысль, 1988. 447 с.
3. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы о понятии суверенитета / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Канон+, 2005. 176 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: АСТ, 1999. 424 с.
5. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. С. Зенкина. М.: Европа, 2011. 264 с.
6. Хабермас Ю. Между фактами и нормами: вклад в дискуссию о праве и демократии / пер. с нем. В. Н. Поликарпова. СПб.: Наука, 2001. 528 с.
7. Dworkin R. Taking Rights Seriously. London: Duckworth, 1977. 384 p.
8. Dyzenhaus D. The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 336 p.
9. van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
10. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 2010. 265 p.
11. Neocleous M. Critique of Security. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 192 p.
12. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition. New York: Routledge, 1997. 216 p.

13. Glennon M. National Security and Double Government. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p.
14. Honig B. Emergency Politics: Paradox, Law, Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2009. 240 p.
15. Bartelson J. The Critique of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
16. Смирнова Н. И. Права человека и безопасность: нормативные основания ограничения в условиях угроз // Государство и право. 2022. № 5. С. 63–76.
17. Иванов В. П. Суверенитет и права личности в современном государстве // Право и политика. 2021. № 12. С. 14–27.
18. Human Rights Watch. World Report 2020: Events of 2019. New York: Seven Stories Press, 2020. 704 p.
19. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 607 p.
20. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. 384 p.
21. Berlin I. Two Concepts of Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1958. 96 p.
22. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27(1). P. 63–92. EDN: EHPKAB
23. Amnesty International. Annual Report 2020/2021. London: Amnesty International Publications, 2021. 408 p.
24. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
25. Wæver O. Securitization and Desecuritization // In: On Security / Ed. by R. D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
26. Lutz J. M., Ulmschneider G. W. Civil liberties, national security and U.S. courts in times of terrorism // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13(3). P. 35–47.
27. Montasari R. Artificial Intelligence and National Security. Cham: Springer, 2022. 236 p. DOI: 10.1007/978-3-031-06709-9.
28. Lowe D. Surveillance and international terrorism intelligence exchange: Balancing the interests of national security and individual liberty // Terrorism and Political Violence. 2016. Vol. 28(4). P. 653–673. DOI: 10.1080/09546553.2014.918880.
29. Ротко А.Г. Институционализация негосударственной системы обеспечения общественной безопасности в контексте современных вызовов национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 3. С. 1–10. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.3.74732 EDN: ZOHOOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74732

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают личная свобода и государственная безопасность, в статье исследуется как в современных политико-правовых системах формируется и легитимируется граница между этими категориями.

Методология исследования базируется на использовании философских концепций, трактующих границы допустимого ограничения свободы; нормативно-юридического и критического подходов к ограничению прав; проведении сравнительно-правового анализа и критического дискурс-анализа, использовании общелогических методов

(анализ, синтез, дедукция, абстрагирование).

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью пересмотра баланса между правами личности и интересами государства в условиях, когда перед государствами встают вызовы, выходящие за пределы классической сферы военной угрозы — от трансграничной киберпреступности до биополитического управления, а также с дефицитом междисциплинарных исследований, одновременно критически осмысливающих понятие государственного интереса и легитимность ограничения прав личности в сравнительной перспективе.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в выводах о том, что дискуссия о пределах легитимности государственной власти в сфере безопасности требует отказа от бинарного противопоставления свободы и порядка и перехода к многоуровневому нормативному подходу, а также в обобщении сведений о механизмах легитимации ограничений в политико-правовых системах Китая, России, ЕС и США.

Структурно в статье выделены следующие озаглавленные разделы: Введение, Результаты, Обсуждение, Заключение и Библиография.

В публикации проведено сравнение моделей безопасности и свободы в различных странах: Китае, России, США и странах ЕС по таким признакам как: тип легитимации безопасности, приоритет свободы / государства, нормативная база, подход к ограничениям прав. На основе этого сделаны обобщения, отраженные в трёх пунктах. Кроме этого разработана аналитическая таблица «Институциональные и дискурсивные основания ограничения прав личности в сравнительной перспективе», в которой отражены особенности ограничений в различных странах по следующим критериям: Тип легитимации, Основание для ограничения прав, Механизм проверки допустимости, Степень институциональной подотчётности, Характер угрозы (в дискурсе), Форма артикуляции угрозы. Авторы приходят к заключению о том, что соотношение личной свободы и государственной безопасности представляет собой не столько юридическую, сколько философско-нормативную проблему, решение которой невозможно без учёта контекста правовой культуры, типов легитимации власти и форм институционального доверия.

Библиографический список включает 29 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме. На источники, приведенные в разделе «Библиография» по тексту приводятся адресные отсылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию.